Избирательное право детей, исполняемое родителями: социокультурный институт антитеррористического иммунитета

Лев Семашко
к.ф.н., доцент, директор общественного института стратегических сферных (тетрасоциологических) исследований,
E-mail: semashko4444@mail.admiral.ru ;

В этой статье, под впечатлением жесточайшей трагедии Беслана, предпринята попытка осмыслить глубинные источники терроризма и предложить, в рамках возрождения некоторых элементов культуры русской общины, социокультурный и политико-правовой институт избирательного права детей, исполняемого родителями, как механизм воспроизводства антитеррористического иммунитета, минимизирующего почву терроризма.

Беслан – культурная травма России

Чудовищный, зверский акт захвата террористами более тысячи детей, из которых, по официальным данным, 170 были убиты (всего убитых – свыше 350 человек) в средней школе осетинского города Беслан 1-3 сентября 2004 потряс всю страну, шокировал население и власть. Никто не мог даже в мысли допустить подобное. Это событие стало культурной травмой России и ее поколений. Российское самосознание не знает ничего подобного в своей истории, и потому никак не было готово к нему.

В современной социологии недавно разработана теория культурной травмы[1], с позиций которой объясняются многие драматические события. Например, видный американский социолог, профессор Д.Александер, анализируя преступление нацистов – уничтожение 6 миллионов евреев (Холокост), считает его драматической травмой культуры еврейского народа. Он выделяет три этапа культурной травмы: эмоциональный, когнитивный и моральный, а также три его основных структурных элемента: кодирование травмы как зла, определение особого «веса» этого зла, и осмысление источников, ответственности и последствий этого зла[2]. Российской культуре и самосознанию, которые находятся еще на первом, эмоциональном, этапе культурной травмы Беслана, предстоит долгий путь ее понимания и выработки адекватных культурных инструментов предупреждения и защиты от подобных травм в будущем. Беслан – это шоковое преступление, выходящее за пределы устоявшихся культурных представлений о добре и зле, а потому требующее большого времени и инновационных культурных преобразований, адекватных национальной травме. Наша статья посвящена некоторым аспектам этого культурного процесса, в частности избирательному праву детей, исполняемому родителями, как новому социальному институту отношений между поколениями, а также между семьей и государством.

Еще одни аспект проблемы заключается в том, что Беслан стоит в ряду многочисленных атак международного терроризма на Россию последних лет, которые также еще не нашли должного понимания в национальном самосознании. Развертывающаяся война терроризма требует по-новому взглянуть на его источники, на средства борьбы с ним, на культуру мира, которая пока бессильна остановить это зло, но которая может и должна найти против него адекватные культурные инструменты, искореняющие его источники. В качестве одного из них в нашей статье анализируется избирательное право детей, исполняемое родителями, создающее сеть антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета населения и власти.

Сетевая, системно-сферная природа терроризма

В понятие «природа терроризма» мы включаем все его параметры: источники (причины и мотивы), средства (ресурсы, мишени), субъекты, цели во всех сферах общества. Горизонтальная и вертикальная взаимозависимости параметров терроризма выражает системно-сетевой характер его природы. Это значит, что природа терроризма распределена по всем вертикалям и горизонталям социума, образуя сеть зависимостей очень сложной и многомерной конфигурации. Не поняв

сетевой многомерной природы терроризма, общество никогда не выработает ни адекватных средств против него, ни соответствующего иммунитета.

Все исследователи терроризма отмечают ту или иную его многомерность и системность. Однако, некоторые сводят его в основном к религиозным источникам, опираясь на некоторые заявления его идеологов. Например, лидер террористов Осама Бен Ладен, в ноябре 2001 года после атаки на США заявил: «Мы - террористы, и терроризм - наш друг и компаньон. Пусть Запад и Восток знают, что мы - террористы и мы ужасны. Мы будем стараться терроризировать врагов Аллаха и наших собственных. Терроризм есть обязанность в религии Аллаха»[3]. Подобные высказывания позволяют отдельным исследователям ограничить терроризм исламскими источниками и одной сферой политики или религии, что, конечно, неверно, так как они могут быть обнаружены в каждой сфере и цивилизации в той или иной мере и форме.

Рассмотрим некоторые новейшие подходы к терроризму[4]. При всем их многообразии все они носят многомерный характер, что не мешает им существенно отличаться друг от друга, поскольку существует множество вариантов системных подходов.

Американский социолог Б.Филипс развивает «сетевой подход» к терроризму[5] в рамках создаваемого им «интерактивного» сетевого мировоззрения, которое он противопоставляет жесткому «стратифицированному» мировоззрению. В рамках интерактивного мировоззрения строится сложная сеть одиннадцати антиномий, связывающих 39 абстракций (понятийных «точек»), в которых анализируется терроризм. Сетевой подход и сетевое мировоззрение также развиваются рядом других ученых применительно к пониманию как жизни в целом, так и современного информационного общества, так и современной сетевой экономики[6].

Американский социолог М.Девит так характеризует многомерные источники терроризма. «Источники терроризма лежат не в ценностях и не в фундаменталистской идеологии или религии, а в потребностях, которые определяют мотивацию. Хирургическое (военное) удаление терроризма только расширяет болезнь. Терроризм является симптомом глобальной деструкции. Вызов терроризма требует нового мышления, планирования и стратегии. Терроризм порожден нефтяными баронами и направлен (смещен) с внутренних проблем нефтяных стран Ближнего Востока на Запад. Но этого смещения терроризма на Запад не было бы, если бы Запад соответствовал своим идеалам свободы, законности и равенства возможностей. Однако, эти идеалы стали пустыми обещаниями в последней четверти прошлого века», поэтому запад стал мишенью терроризма[7].

Многомерности терроризма и контртерроризма посвящена целая глава книги известного автора, в прошлом возглавлявшего соответствующий отдел ЦРУ Пауля Пилара[8].

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в 2002 также подчеркнул многоаспектный характер терроризма: «Терроризм - глобальная угроза с глобальными эффектами; ... его последствия затрагивают каждый аспект деятельности ООН - от развития до мира, прав человека и руководства закона. … По своей внутренней природе терроризм есть нападение на фундаментальные принципы законности, порядка, прав человека, и мирного урегулирования споров, на которых установлена ООН. … ООН должна играть регулирующую роль в создании законных и организационных рамок, в пределах которых может разворачиваться международная кампания против терроризма»[9].

В ООН принято следующее краткое определение: «Акт терроризма - это эквивалент военного преступления в мирное время». «Академическим и согласованным» в ООН признано следующее определение: «Терроризм есть внушающий беспокойство метод повторяющихся насильственных действий, который используется (полу)тайно индивидом, группой или государством по особым, криминальным или политическим, причинам, в котором – в отличие от убийства – прямая цель убийства не является главной. Непосредственные человеческие жертвы насилия, которые служат как генераторы сообщения[10], выбираются в основном беспорядочно (любые возможные мишени) или выборочно (представительские или символические мишени) из населения в целом. Основанная на угрозе и насилии связь между террористом (организацией), жертвами и главными мишенями используется, чтобы управлять главной мишенью (аудиторией), превращать ее в цель террора, требований или внимания, в зависимости от того, что преследуется

прежде всего: запугивание, принуждение или пропаганда» (А.П.Шмидт, 1988)[11]. Но и по этому определению существуют разногласия, хотя оно признается «академическим и согласованным».

В российском Уголовном кодексе терроризм определен как: «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях[12]. Этим определением именно силовые структуры имеют право вести против него вооруженную борьбу, а все остальные институты общества отстранены от проблемы антитеррора[13].

Рассмотрение терроризма как очень эффективной и экономичной версии войны и ее главных принципов дается в статье А.И.Юрьева[14].

Рассмотренные выше дефиниции и их сущностные различия свидетельствуют о незавершенности процесса понимания природы терроризма. Поэтому уместным будет предложить более емкое, системно-сферное, определение терроризма, которое бы учитывало все его параметры – источники (причины и мотивы), цели, средства (ресурсы, мишени) и субъекты во всех четырех сферах общества: социальной, культурной, политической и экономической[15].

Сферы, в которых совершаются теракты и которые заключают в себе их конечные причины и цели, могут быть детализированы по отраслям[16], корпорациям, предприятиям и фирмам. Это составляет их качественную, содержательную спецификацию. На нее должна быть наложена пространственно-временная локализация, т.е. сферы и все их возможные спецификации (отрасль, корпорация, предприятие, фирма) должны быть рассмотрены в координатах социального пространства и времени[17]. Пространственная координата означает локализацию их ресурсных, функциональных и структурных компонентов в различных региональных масштабах: мир, континент, регион, страна, часть страны, город, поселение. Временная координата выражает период исторического времени для того или иного параметра терроризма.

Источники терроризма разделяются на глубинные, фундаментальные причины (бедность, дискриминация, угнетение, насилие, несправедливость и т.п.) и на конкретные, непосредственные мотивы совершения террористического акта. Мотивы вырастают из причин, но не сводятся к ним, не исчерпывают их. Одни и те же причины могут быть источниками разных и повторяющихся терактов. Порождающими причинами терроризма являются наиболее острые противоречия во всех сферах общества. Его причинами могут быть, следовательно, социальные, культурные, политические и экономические причины, как в отдельности, так и в любом сочетании с различным ранжированием их приоритетности. Причины и мотивы разных участников терроризма (исполнителей, организаторов, заказчиков-финансистов, вдохновителей) причудливо переплетаются с региональными и религиозными особенностями, а также с общей социальной ориентацией и морально-психологической атмосферой. В определенных условиях, для участников терроризма, особенно для исполнителей и организаторов, теракты могут превратиться из преступления в источник доходов, тем более, если теракты оцениваются как «священная война». Подобная трансформация легко происходит в «денежно ориентированных обществах» (Карл Беккер, 2002) в условиях а) крайней нищеты и безработицы значительной части населения, б)наличия олигархов или богатых людей, готовых оплачивать заказные террористические акты. Такие условия (причины) терроризма сложились в Чечне, а также в Палестине и Ираке. Денежный приоритет общества является глубочайшим источником терроризма. Этот приоритет пронизывает все причины и мотивы терроризма.

Конечные цели терроризма лежат в одной или нескольких сферах общества в том или ином регионе. Поскольку достижение каждой из этих целей опосредуется политическим, властным ресурсом государства, постольку конечные цели терроризма окрашены по преимуществу в политические (более широко – организационные: правовые, финансовые, управленческие) цвета. Однако, за политическими целями могут следовать или скрываться другие сферные цели: социальные, информационные (идеологические, культурные, конфессиональные) или экономические (материальные, территориальные и т.п.), которые детализируются и конкретизируются террористами в разных региональных и временных масштабах.

Самым простым и очевидным являются средства терроризма – насилие над людьми в виде убийства или угрозы убийства. Однако, ввиду своей жестокости и бесчеловечности, террористическое насилие должно квалифицироваться не просто как «военное преступление», а как «преступление против человечности», попирающее все культурные нормы, отвергающее все достоинства человека, низводящее его до уровня животного или вещи. Средства терроризма – это его ресурсы и мишени. В нашем определении разделяются первичные ресурсы терроризма, которые охватывают набор всех сферных ресурсов: человеческих, информационных (в том числе идеологических), организационных (в том числе финансовых) и материально-технических (вооружение и снаряжение) и вторичные ресурсы, которые составляют «мишени». Мишени терроризма – это те наиболее ценные ресурсы общества, которые захватываются террористами как средства для достижения каких-то более масштабных целей, выходящих далеко за пределы непосредственных мишеней. Мишени – это ресурс давления террористов в преследовании своих конечных целей. Так как самым ценным социальным ресурсом являются люди, то большинство терактов в качестве мишеней имеют, прежде всего, людей. Особо весомым ресурсом давления являются дети, что продемонстрировал теракт в Беслане. Поэтому в будущем следует ожидать расширения терактов именно против детей. Однако, мишенью теракта может стать и атомная электростанция, и коммуникационные сети, и органы власти, и политические деятели, и т.д.

Субъектами терроризма могут быть индивид, организованная группа, государство. Государство по определению охватывает все сферы общества, поэтому и его террористические цели и его террористические ресурсы черпаются из всех сфер общества. Примерами таких государств были нацистские государства и сталинское государство. Что касается индивидов и организованных групп, то они могут придти к терроризму из любой сферы общества и занятости, из любой его отрасли и использовать соответствующие источники, ресурсы и цели. В рамках организованных террористических групп необходимо различать исполнителей, организаторов, заказчиков и вдохновителей. Исходя из предложенных оснований, можно сформулировать следующее, системно-сферное и сетевое, определение терроризма, которое охватывает все его факторы и включает элементы многих других, более частных, его определений.

Терроризм – это преступление против человечности в форме особо жестокого насилия над людьми в виде убийства или угрозы убийства, порождаемое наиболее острыми противоречиями сфер общества и осуществляемое индивидом, организованной группой или государством с использованием ресурсов всех сфер для достижения противозаконных целей в любой сфере, прежде всего в политической, в рамках определенного региона. Это определение охватывает не только современные формы терроризма, но и его исторические виды: нацистские преступления, сталинский террор, «белый» террор и т.п.

Задачи борьбы с терроризмом: президентская программа

Президент В.Путин в своем выступлении[18] на расширенном заседании правительства 13 сентября 2004, сформулировал программу борьбы с терроризмом в России, которая включает в себя следующие блоки.

Первый. Блок усиления политического ресурса страны, который включает в себя а)переход к выборам в Госдуму только по партийным спискам, б)утверждение глав субъектов Федерации их законодательными собраниями по представлению президента, в)создание Общественной палаты в качестве института негосударственного контроля за органами исполнительной власти и экспертизы предлагаемых законопроектов, г)воссоздание министерства национальных отношений, д)ужесточение наказания за должностные преступления – речь идет о коррупции, о подкупе гаишников, паспортистов, таможенников, участковых, военных, которые помогают террористам вооружаться, легализоваться и свободно перемещаться по стране.

Наши комментарии. А) В условиях отсутствия в России сильных идеологических партий первая мера вряд ли улучшит качество и дееспособность Госдумы в борьбе с терроризмом, по крайней мере, в обозримом будущем. Б) Утверждение глав субъектов Федерации по представлению президента, конечно, сделает вертикаль власти более управляемой, военизированной и оперативной в борьбе с терроризмом. В) Пока в России не будет сильного

гражданского общества, до тех пор в ней не может быть какого-либо сильного общественного института, способного эффективно выполнять контрольные или экспертные функции, а тем более роль некоего «компенсаторного механизма», преодолевающего отсутствие в стране системной оппозиции. Скорее всего, Общественную палату ждет участь «Гражданского форума», с помпой собранного в Кремле 2 года назад и сразу почившего в бозе. Г) Сколько бы раз ни закрывали и не открывали Миннац, характер национальных отношений в стране не изменялся. Д) Коррупция в российском бюрократическом государстве непобедима, сколь бы не ужесточали наказания за нее. Итак, этот блок борьбы с терроризмом, по сути, является бюрократическим, возможности и эффективность которого весьма ограничены, хотя в отдельных элементах могут быть действенны.

Второй, примыкающий к первому, военный блок. В его рамках предполагается а)создание единой структуры силовых правоохранительных органов, б)значительное увеличение финансирования силовых ведомств, в)создание добровольных гражданских объединений по охране общественного порядка. Это меры необходимые, но насколько они будут эффективны? Сам В.Путин, после долгих лет «мочения» террористов, так и не добравшись до их главарей, с горечью вынужден был признать: «Борясь с проявлениями террора, мы практически не достигли видимых результатов … *прежде всего в ликвидации его источников»* (подч. нами – Л.С.), которые находятся в социальной, культурной и экономической сферах, где формируется «питательная почва для экстремистской пропаганды, для роста очагов террора, для вербовки им новых сторонников». Это значит, что в самых важных, ключевых сферах, где зарождается терроризм, в ликвидации его социально-экономических источников дело у нас обстоит хуже всего. Ведь известно, что «нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники* терроризма»[19].

Третий блок – социальный. Он свелся к некоторым констатациям и страдает отсутствием конкретных мер. В его рамках отмечается особо слабое социально-экономическое положение северокавказских республик, в которых уровень жизни, образования и доходов во много раз ниже общероссийских, а безработица во много раз выше. Все это создает широкую питательную почву терроризма, но какие-либо пути искоренения этой почвы не определены. Очень важным является заявление президента о необходимости формирования у населения «антитеррористического иммунитета». Однако, к сожалению, этот, самый эффективный путь предотвращения терроризма, оказался нераскрытым. В.Путин сказал очень верные слова: «Борьба с терроризмом должна стать в полном смысле общенациональным делом, и потому так важно активное участие в ней всех институтов политической системы, всего российского общества». Да, без участия общества борьба с терроризмом не может быть эффективной. Однако, к сожалению, он не ответил на вопрос, *что* может сделать ее общенациональным делом? Правда, он подчеркнул, что «если мы рассчитываем на помощь общества в борьбе с террористами, то люди должны быть уверены, что их мнение будет услышано» через Общественную палату, как «площадку для диалога». Однако, бюрократически создаваемая палата вряд ли станет «площадкой диалога» и действительно «общественного мнения», так как она не имеет в населении какой-либо опоры.

Если сравнить президентскую программу с предложенным выше определением природы терроризма, то мы заметим, что программа касается лишь малой части параметров терроризма, что основной акцент она делает на военно-политические, а не на социальные, экономические и культурные институты борьбы с терроризмом. Поэтому такую программу объективно можно квалифицировать скорее как военно-бюрократическую, чем социально-экономическую и культурную. Можно ли рассчитывать на ее эффективность в борьбе с терроризмом?

Самая питательная почва для стремительного расползания террористической чумы в новом веке – это отсутствие у населения и власти антитеррористического иммунитета. Поэтому, особенно важным в президентской программе борьбы с терроризмом считаем формирование подобного иммунитета. В нашей статье мы пытаемся развить эту идею и показать, какой социальный институт может обеспечить его расширенное воспроизводство.

Определение антитеррористического (антидевиантного) иммунитета

Понятие антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета является сложным и многомерным социо-культурным и политико-психологическим понятием. Оно

включает гуманистическое, культурное, политическое и экономическое измерения, требует междисциплинарного и сетевого подхода. Этот сетевой, системно-сферный подход был проявлен в определении природы терроризма. По аналогии с ним определим антитеррористический иммунитет.

Антитеррористический иммунитет – это устойчивый социально-психологический настрой людей, населения и власти (всех ее представителей), исключающий возможность какого-либо их участия в терроризме или пособничества ему, формируемый у человека с детства новой культурой отношений и взаимной ответственности поколений. Эта культура воспроизводит в настрое людей новые ценности и новый социальный капитал человека, которые предотвращают терроризм, служат лучшим, наиболее эффективным заслоном его причинам во всех сферах общества, выступают наиболее действенной формой антитеррористического социального контроля.

Мы не претендуем на завершенность и окончательность данного определения. Мы подчеркиваем в нем лишь культурное происхождение этого иммунитета, его формирование с детства в системе новой взаимной ответственности поколений и его универсальный характер, противостоящий причинам терроризма во всех сферах. Чтобы понять зависимость этого иммунитета от избирательного права детей, исполняемого родителями, кратко очертим масштаб социальных достоинства последнего. Напомним, что система его 42 позитивных следствий, охватывающих все сферы общества, представлена в нашей книге[20], а здесь мы ограничимся ключевыми из них.

Позитивный масштаб избирательного права детей, исполняемого родителями

Во-первых, наверно самое важное достоинство избирательного права детей, исполняемого родителями, заключается в том, что оно создает качественно новую, четко ориентированную на приоритет интересов детей, политическую (избирательную) мотивацию большей части электората, прежде всего родителей и молодежи. Приоритет детей есть одновременно приоритет родителей, особенно матерей, несущих основное бремя забот о детях. Современная избирательная мотивация размыта между множеством очень близких программ политических партий и кандидатов. Эти программы стали настолько похожими и невыразительными, что люди голосуют не за них, не по разуму, а по эмоциональным предпочтениям. Размытая политическая мотивация дает размытые итоги голосования со всеми вытекающими слабостями и пороками современной демократической власти. Исходный вопрос – за что голосовать, за чьи интересы – тонет среди множества второстепенных мотивов избирателей и сводится к удручающему и отталкивающему выбору между двух зол: большим и меньшим. В мотивационном хаосе можно голосовать за все что угодно только не за самое важное для людей и общества. В избирательном мотивационном поле отсутствует жизненно приоритетный и общий для всех центр, который бы объединял избирателей, а также ориентировал бы и их, и политических конкурентов (партии и кандидатов) на него. Отсутствие такого мотивационного центра раскалывает избирателей (народ!) по личностным и политическим предпочтениям на противоположные, часто враждебные и даже антагонистические лагеря, как это случилось на Украине, в Абхазии и ряде других стран. От этого недалеко ушли и США на президентских выборах 2004 года, на которых, по словам самих американцев, процветало «высокотехнологичное мошенничество» при подсчете голосов, расколовшее избирателей. Мотивационный хаос и отсутствие общезначимого для электората и политических игроков избирательного стержня резко снижает качество выборов, выборных органов и фигур, т.е. качество всей политической власти, всей демократии и тем самым дискредитирует ее. Поэтому престиж выборов в глазах населения неуклонно, за редчайшими исключениями, падает, оно перестает ходить на них, а число голосующих «против всех» нередко лидирует. Действующая избирательная система разрушается, лишает население притягательных мотивов голосования. Кардинальная роль избирательного права детей, исполняемого родителями, заключается именно в том, что оно создает простой, притягательный и жизненно важный для населения общий мотивационный центр приоритета интересов детей. Вместе с этим мотивом оно создает качественно новую избирательную систему демократии, с новой стратегической целью, с четким механизмом

ежегодного отзыва нерадивых партий и депутатов (по неудовлетворительным итогам работы за год), с принципиально иным, позитивно заинтересованным, политическим поведением электората. Она ставит избирателя в ситуацию приоритета интересов детей и выбора лучших партий и кандидатов именно для этого жизненно важного приоритета, а не для какого-либо другого, что, несомненно, максимально активизирует население. В ней выбор из многих зол заменяется выбором из спектра хороших и отличных представителей интересов детей, а значит и общества в целом. Подобная избирательная система модернизирует и гуманизирует гражданское общество и правовое государство. Она объединяет их интересы, выступает связующим механизмом. Избирательное право детей, исполняемое родителями, становится институтом и гражданского общества, консолидируя избирателей, и правового государства, обеспечивая новое качество законодательной (парламентской) власти. Оно ориентирует ее на приоритетное бюджетное финансирование сферы детей[21] а вместе с ней и всей социальной сферы. Если сейчас лишь 7% населения считают, что бюджет отражает его интересы, а около 70% уверены в обратном[22], то приоритетное бюджетное финансирование сферы детей, создаваемое избирательным правом детей, исполняемом родителями, перевернет эту ситуацию с отношением населения к бюджету. Ради справедливости, надо подчеркнуть, что избирательное право детей, исполняемое родителями, действует не как жестко однозначная необходимость, а как мягко многовариантная *возможность:* а) консолидации большинства электората в интересах детей, б) формирования соответствующего парламентского большинства, в) ориентации госбюджета на приоритетное финансирование сферы детей. Превращение этих возможностей в реальность зависит от сознательности, активности и сплоченности как избирателей, родителей прежде всего, так и парламентариев. Таково главное достоинство избирательного права детей, исполняемого родителями, которое определяет другие его многочисленные достоинства, измерения и качества.

Во-вторых, избирательное право детей, исполняемое родителями, так или иначе, касается практически всего населения, всего электората, как связанного с малолетними детьми родственными узами, так и не связанного с ними. Среди второй части надо выделять молодежь, еще не имеющую детей, но желающую их иметь, и бездетных по тем или иным причинам. Приоритет интересов детей в мотивационном избирательном поле не противоречит интересам ни одной социальной группы, даже интересам бездетных и пожилых людей, так как из детей вырастает тот человеческий ресурс, который необходим всем, в том числе бездетным и пожилым. Поэтому избирательное право детей, исполняемое родителями, является универсальным и жизненно важным для всех групп населения каждой страны. От проблемы детей и качества их социализации не может устраниться ни одна страна. Качество детей определяет качество человеческого капитала, следовательно, качество всей общественной жизни для каждого человека.

В-третьих, избирательное право детей, исполняемое родителями, глобально, как глобальны дети и их проблемы. Поэтому его нельзя ограничивать национальными рамками одной страны, или какой-то группы стран: богатых, бедных, беднейших, или какими-то важными, но частными аспектами отношений поколений, семьи и государства, избирательной системы и электората и т.п. Идея избирательного права детей настойчиво ставится в глобальную повестку, с одной стороны, «нищетой, дискриминацией и безразличием общества к детям» во всем мире, а с другой – потребностью, «построить мир, достойный детей», что заявила Специальная Сессия ООН по вопросам детства 2002 года, проведенная по инициативе ЮНИСЕФ[23]. Эти задачи глобальны. Избирательное право детей, которое предлагает свой механизм их решения, также глобально, что не исключает, а предполагает его внедрение и опробование сначала в каких-то отдельных странах. Его достоинство заключается в том, что оно предлагает глобальный и эффективный механизм для решения проблем детства в мире, от которых зависит решение, в конечном счете, в долгосрочной перспективе, всех других проблем.

В-четвертых, избирательное право детей, исполняемое родителями, создаваемая им новая избирательная система смещают фокус политики государств с экономической, политической (в том числе военной и финансовой) на социальную сферу. Этот механизм обеспечивает приоритетное бюджетное финансирование сферы детей, следовательно, и всей социальной сферы. Поэтому от него выиграют не только молодые, но и пожилые, пенсионеры в том числе. Он не противопоставляет, а сплачивает поколения, решает проблемы детей не за счет урезания

бюджетных пособий пожилых, а за счет перераспределения расходов государства на оборону, госаппарат, экономику, безопасность, борьбу с преступностью и наркотиками и т.п. Приоритетные бюджетные инвестиции в детей значительно сократят масштаб преступности, наркотизма и других социальных девиаций, что значительно сократит расходы государства на борьбу с ними и на безопасность.

В-пятых, приоритетное бюджетное финансирование сферы детей, обеспечиваемое названным механизмом, создает в политике новый стратегический всесрочный приоритет развития человеческого (и социального) капитала и его качества. Этот приоритет, несомненно, будет содействовать установлению в мире порядка социальной гармонии внутри стран и между ними, укреплению новой культуры мира, которая исключит социальную почву войн, терроризма и насилия. «Денежную ориентацию западных обществ» (money-oriented Western societies)[24] как высшую самоцель современной цивилизации, являющуюся глубочайшей и неустранимой другими способами причиной всех войн и террора, оно заменяет ориентацией обществ, в том числе и денег, на детей, следовательно, на социальную гармонию. Приоритет детей, имеющий колоссальное социальное и нравственное значение, огромную культурную ценность, - это мощная позитивная альтернатива приоритету денег. Ориентация госбюджетных расходов на приоритет детей вытеснит приоритет расходов на войны, вооружения и насилие, что сделает новый мировой порядок гармоничным. Мировой порядок, построенный на приоритете не денег, а детей, будет не только гармоничным, но и безопасным, гуманистичным и справедливым.

В-шестых, избирательное право детей, исполняемое родителями, является культурной ценностью. Известно, что отношение человека и общества является первичным и наиболее фундаментальным отношением в культуре[25]. Избирательное право детей, исполняемое родителями, является таким культурным и правовым институтом, которое ориентирует общество на приоритет детства как источник и начало каждого человека. Поэтому оно выступает той культурной ценностью, которая перестраивает и гражданское общество и правовое государство так, что для них «интересы детства становятся приоритетными»[26]. Это качественно меняет их. Ориентация общества на приоритет интересов детей, заменяющая его денежную ориентацию, станет стержнем новой культуры мира. Тот порядок, который ориентирован на деньги как высшее благо, оказывается порядком войн, заказных убийств, терроризма и смерти. Это саморазрушающийся порядок социальной дисгармонии. Противостоять ему может только новая культура мира, исключающая войны и терроризм, создающая новый порядок социальной гармонии, созданный на приоритете детей, родителей и особенно матерей. Они обладают огромной миролюбивой энергией и мощным потенциалом гармонии, которые не востребованы до сих пор и раскрываются только институтом избирательного права детей, исполняемого родителями. Ориентация общества на приоритет детей находит опору во всех религиях, составляющих одну из важнейших основ культуры. Христианство, например, считает, что душа ребенка, в отличие от души взрослого, чиста и непорочна. Она служит нравственным эталоном для души взрослого: «если не станете, как дети, не войдете в Царствие Небесное». Поэтому приоритет детей в обществе, устанавливаемый избирательным правом детей, исполняемым родителями, приемлем христианству и другим религиям, отвечает их духу и составляет очень важную универсальную культурную ценность человечества.

Таковы основные достоинства избирательного права детей, исполняемого родителями.

Краткая история идеи избирательного права детей

Попытка общей концепции избирательного права детей, его социальной необходимости и следствий, предпринята в нашей книге 2004г[27]. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми его историческими деталями, кратким сравнением двух его вариантов.

Мы поддерживаем и развиваем следующий вариант его понимания: *Избирательное право детей означает, что дети до 18 лет получают по Закону ПРАВО избирательного голоса, вносятся в избирательные списки, а ИСПОЛНЕНИЕ этого права (голосование) возлагается на их родителей или законных опекунов*. (Нисколько не умаляя опекунов, в дальнейшем мы будем говорить о родителях. Определение не касается числа детей, за которых голосуют родители, а

также распределения между ними этой функции, что регулируется соответствующим национальным законом, специфическим для каждой страны образом. Проект такого закона для России представлен в нашей книге 2004 г.). Этот вариант называется «избирательное право детей, исполняемое родителями». Другой вариант: «избирательное право детей, исполняемое самими детьми» (см. ниже).

История избирательного права экстенсивна: сначала его получили богатые взрослые мужчины, потом все взрослые мужчины с 25 лет, потом женщины и представители других рас, потом молодежь с 18 лет, хотя в разных странах возраст совершеннолетия может быть разным. Современное избирательное право осталось нам в наследство от уходящего индустриального общества и на протяжении более двух веков постепенно освобождалось от многочисленных цензов этого общества – расовых, имущественных, гендерных и т.п. Сохранился непреодоленным последний – возрастной – ценз, создающий «черную дыру» избирательного права, в которой находятся дети до 18 лет, составляющие в среднем примерно четверть населения. «Черная дыра» избирательного права порождает «черную дыру» политики и государства. Поэтому по отношению к детям сохраняется вопиющая политическая несправедливость и дискриминация. Становясь гражданином страны с момента рождения, ребенок становится избирателем только через 18 лет, как будто эти годы дети ничем общественно полезным не заняты, живут вне общества, не являются его членами, не имеют проблем и потребностей, которые требуют постоянного политического представительства и выражения.

Дискриминация детей и соответствующая «прореха» в избирательном праве и политической системе начали осознаваться примерно век назад. Идея избирательного права детей и политического представительства их интересов в разных формах носится в воздухе почти сто лет! Впервые ее высказал еще в 1905 году великий русский ученый Д.И.Менделеев, правда, в косвенной форме введения «детского ценза» для депутатов Госдумы, т.е. наличия у них не менее 3-4 детей[28]. Великий польский педагог и писатель Януш Корчак, говоря о желании родителей, «чтобы дети были и жили лучше нас» и в то же время характеризуя положение детей как «закрепощенного класса», «не избирателя», впервые определил равную гражданскую ценность ребенка и взрослого: «главная мысль: ребенок равный нам – ценный - человек»[29].

Но наиболее активно идея избирательного права ребенка стала выдвигаться в разных странах лишь последние 15-20 лет, причем сначала в форме прямого участия детей в выборах. Впервые, насколько нам известно, данный вариант этой идеи был сформулирован в 1991 году в статье «Дайте детям голос» американки Виты Уоллис[30]. Она доказывает, что все граждане, включая детей, должны иметь возможность голосовать без возрастного ограничения. Она аргументирует эту идею аналогиями в женском и черном избирательном праве, а также демографическими и статистическими данными. Для пропаганды этой идеи в США были образованы «Ассоциация за избирательное право детей»[31] и «Американцы за общество, свободное от возрастных ограничений»[32], а в Германии - молодежная группа «K.R.Д.T.Z.Д»[33]. Эти организации исходят из принципа «один человек – один голос», из гражданства детей и необходимости снять конституционные ограничения на участие детей в выборах.

Эти организации многого достигли в деле пропаганды избирательного права детей. Немецкая группа даже довела этот вопрос до обсуждения в Бундестаге, но перелома общественного мнения в свою пользу они так и не добились. Тому есть две причины: голосование самих детей любого возраста и противопоставление поколений. Думаем, что в таком варианте оно не будет принято никогда.

Другая модель избирательного права детей, а именно такого, которое исполняется не самими детьми, а родителями, рассматривается в ряде статей С.Рингена[34], П.Париджа[35] и других. На Западе она имеет много синонимичных названий: «семейное голосование», «универсальное избирательное право», ‘children's voting right, vicariously exercised’ (в аббревиатуре: *ChiVi*[36]), т.е. «избирательное право детей, опосредованно исполняемое родителями» и другие. ***Наша аббревиатура этого понятия – ИндИр***. Остановимся на последней по времени статье немецкого социолога из Бремена, профессора Карла Хинрикса под интригующим названием «Пожилые эксплуатируют молодых? Если это так, то не является ли наделение детей избирательным правом хорошей идеей?». Прежде всего, автор рассматривает этот вопрос в рамках благосостояния

поколений, подчеркивая вслед за многими исследователями, что уровень детской бедности превышает уровень бедности пожилых людей почти во всех странах Запада и эта тенденция усиливается. Кроме того, ожидается, что молодое поколение в будущем будет получать все меньше от государства всеобщего благоденствия, чем старшее поколение. Это неравенство между возрастными группами и межпоколенная несправедливость, в большой степени, является результатом увеличения числа пожилых избирателей электората, на требования которого отвечают политические партии и правительства. В подтверждение этой зависимости Хинрикс приводит слова М.Вебера, «решающим аргументом всех современных политических партий является избирательный бюллетень»[37] (Weber,1958/1917:250), который все чаще оказывается в руках пожилых. Предоставление права голоса детям с рождения, которое осуществляется родителями, является, с точки зрения Хинрикса, одним, неоднократно предлагавшимся методом усиления просемейной политики и преодоления геронтократической угрозы. Он приводит слова Гуннара Мурдала, который еще в 1940 году объяснял противоположные тенденции бедности детей и пожилых тем, что «пожилые имеют избирательный голос, а дети не имеют». С точки зрения Хинрикса, старение избирателей становится препятствием для улучшения благосостояния детей: оно увеличивает межпоколенную несправедливость в перераспределении налогов в пользу пожилых. Автор подчеркивает, что через 20-30 лет в Германии пожилые избиратели (с 55 лет) получат абсолютное большинство (свыше 50%), с которым связываются опасности геронтократии, консерватизма и краткосрочности политической стратегии, в то время как ориентация на интересы детей создает долгосрочную и инновационную политическую стратегию. В рамках контекста современной Германии он исследует множество аргументов не только "за", но и "против" избирательного права детей, исполняемого родителями[38]. Аргументы «против» рассмотрены ниже.

В России развивается именно та модель избирательного права детей, в которой этим правом *наделяются и обладают* дети, а *исполняется* оно их родителями (см. определение выше). Данная парадигма нашла первое публичное выражение в России в 2000 году. Тогда она рассматривалась как один из принципиальных элементов будущей «сферной демократии». В ней «*право голоса получат все дети, которое реализуется родителями до совершеннолетия детей*»[39]. Второе публичное выражение эта модель нашла в обстоятельной статье А.В.Баранова в связи с проблемой депопуляции России. Он писал: «*Возможно ли увеличение рождаемости?* – Думаю, да… Чтобы возможность стала реальностью нужно сместить фокус социальной политики с пожилых на молодых… Решение задачи – в предоставлении детям с рождения права избирать политическую власть всех уровней. Разумеется, детским бюллетенем, до достижения ребенком 18 лет, будут голосовать родители»[40]. Такова в общих чертах история идеи избирательного права детей, число противников которой пока не меньше, чем число ее сторонников.

Критика аргументов противников избирательного права детей, исполняемого родителями

Наиболее полно аргументы «против» избирательного права детей, исполняемого родителями (ИпдИр), представлены в упомянутой статье Хинрикса. Они сводятся к следующим утверждениям.

1. «Не существует аргументов», которые могли бы на логическом основании защитить ИпдИр, вместо него приоритетным будет понижение возраста голосования вплоть до 14 лет (Гуррельман, 1997).
2. ИпдИр нарушает равенство граждан перед законом, принцип избирательного равенства «один человек, один голос» и политическое равенство (аргумент М.Вебера).
3. ИпдИр существенно изменяет возрастное распределение электората в пользу родителей и ущемляет интересы бездетных, число которых в Германии постоянно растет и достигает 40% среди женщин с 1965 года рождения, которые уже никогда не станут родителями.
4. Родители не способны политически адекватно выразить интересы детей, т.к. родители голосуют в соответствии со своими политическими предпочтениями, которые далеко не всегда отвечают интересам детей.

5. Предпочтительна возрастная нейтральность политических партий.
6. Голосование подобно бракосочетанию, поэтому оно может осуществляться только «по собственному усмотрению».
7. ИпдИр «утопично» и нигде не занимает высокого места в современной политической повестке. Рассмотрим эти аргументы и выводы более детально.

1.Когда логика ИпдИр ограничивается узкими рамками оппозиции старшего и младшего поколений, кругом разных тенденций их благосостояния и гипотезы «эксплуатации» одного поколения другим, то в ней, действительно, трудно найти логические аргументы в защиту этой идеи. Сразу подчеркнем, что ИпдИр не исключает, а стимулирует снижение избирательного порога до определенного возраста. Даже если он будет снижен до 14 лет, то, что делать с интересами детей до 14 лет? С их политическим выражением и представительством? Тут надо либо отказать им в существовании и выражении, либо выйти на универсальную методологическую платформу, которая не только уравнивает интересы детей и взрослых, но и признает детей социально приоритетной группой общества. Это проблема социальной философии и диалектики или идеологии, если угодно. В нашем подходе она решается на основе тетрасоциологии, в которой дети равны всем другим людям с точки зрения воспроизводства себя[41]. Все люди ежедневно и ежеминутно, чтобы они не делали, воспроизводят себя, хотя каждый по-своему. Это самое фундаментальное, социальное, равенство всех людей, которое можно назвать естественным, независимым от воли и сознания людей, и которое открывается тетрасоциологией. Дети по занятости собой ничем не отличаются от взрослых. (Поэтому Я.Корчак считал детей равными взрослым по ценности.) Они не только и не просто граждане с рождения, что признают все Конституции мира, но они с рождения включены в процесс воспроизводства себя, как и все люди, что и делает их равными гражданами с рождения. И как равные участники воспроизводственного процесса, и как граждане они имеют равные права во всем, в том числе в политическом выборе. Но дети обладают одним преимуществом перед взрослыми: только из детей общество пополняет свой человеческий ресурс, качество которого определяется качеством социализации в детском возрасте, поэтому интересы детей приоритетны для общества, а интересы детства приоритетны в жизни каждого человека. Поскольку дети до определенного возраста не могут по собственному усмотрению сделать политический выбор, а их интересы приоритетны, то этот выбор *должны* сделать их родители, так как только они лучше других могут понять и выразить интересы детей, несмотря на свои некоторые неизбежные ошибки в этом вопросе. Если признать правоту этих посылок (а ее трудно не признать), то их логика будет необходимым и достаточным универсальным аргументом в защиту ИпдИр. Следовательно, тезис о том, что «не существует» логических аргументов в его защиту, оказывается неверным, он не выдерживает критики. Как видим, такие аргументы существуют. Они происходят из других измерений и масштабов ИпдИр.

2. Существуют четыре типа социальных равенств и неравенств соответственно четырем сферам общества: социальные, культурные, политические и экономические (или материальные). Последние два века политическое (или формальное, в том числе юридическое) равенство служило средством углубления всех других неравенств и привело в итоге к разделению мира на «золотой» миллиард и «нищий остаток» пяти миллиардов, а золотой миллиард поделило на относительно нищих детей и богатых пожилых и т.п. Поэтому формальное, особенно избирательное равенство «один человек, один голос», мы считаем позорным, так же как, например, позорной, является единая ставка подоходного налога в России: и для нищего учителя, и для олигарха - 13% с дохода. Поэтому далеко не всякое равенство полезно и морально. Но олигархи и этого не платят. Теперь твердо установлено, что «жить по закону никого из олигархов не заставишь»[42]. Значит, демократия не обеспечивает равенства перед законом. Приоритет формального (юридического и политического) равенства, как показала историческая диалектика индустриального общества 19 и 20 века, порождает, стимулирует и укрепляет НЕравенства. Приоритет же социального равенства людей, т.е. равенства в воспроизводстве себя, служит развитию и укреплению всех других равенств, а также тех неравенств и в той мере, в какой они обеспечивают приоритетное (социальное) равенство. М.Вебер видел в принципе «один человек, один голос», в равенстве всех перед законом политическое и гражданское единство нации, противостоящее расколам частной

жизни, ее различиям и неравенствам[43]. Однако, формальное равенство не препятствовало, а содействовало им, что мы наблюдаем до сих пор. Формальное равенство не самоцель. Там где оно противоречит социальному равенству, там оно может и должно быть ограничено. Интересы малолетних детей, которые не способны на политический выбор, являются приоритетными, поэтому их родителей надо наделить дополнительными избирательными голосами детей во имя фактического социального равенства детей и ограничить в этой части формальное равенство взрослых. Здесь вопрос упирается в мировоззрение, в понимание и выбор приоритетов. С точки зрения традиционного мировоззрения и краткосрочных политических приоритетов ИпдИр излишне, противоречит им, а с точки зрения социального равенства, долгосрочной стратегии и приоритета интересов детей – оно необходимо и требует ограничения формального равенства. Это вопрос о том, готово ли общество пожертвовать частичным ограничением своего формального равенства ради своих детей, ради фактического равенства и качества социализации своего младшего поколения. От частичного ограничения формального равенства демократия не пострадает, а только выиграет, станет действительно социальной и полной, представляющей интересы всех групп населения, в том числе детей, составляющих примерно его четверть. Известно немало демократических структур, где формальное равенство ограничено. Принцип «один человек – один голос» не является универсальным и фундаментальным для демократии. Есть демократические институты, например, голосование акционеров, когда этот принцип нарушается. Он историчен и преходящ, соответствует демократии индустриального общества, но вряд ли адекватен демократии информационного общества. Недаром в наши дни слышится его настойчивая критика. Например, в январе 2004, бельгийский кардинал Густаф Джос (Gustaaf Joos) высмеял в интервью австралийской газете этот принцип. «Я нахожу странным, что сопливый 18 летний юнец имеет такой же голос как отец семерых детей. Первый не имеет никакой ответственности вообще, а другой обеспечивает завтрашних граждан», сказал он[44]. Демократия не пострадает, а наоборот выиграет, если родители будут голосовать за своих детей, используя их избирательные бюллетени. Поэтому обвинение ИпдИр в нарушении избирательного равенства (один человек, один голос) и равенства перед этим законом нельзя признать достаточным и существенным аргументом против него, ибо оно укрепляет, расширяет и углубляет демократию, придает ей новое социальное качество. Масштаб достоинств ИпдИр многократно превышает частичное ограничение формального равенства. Поэтому и данный аргумент против ИпдИр не выдерживает критики.

3. Да, ИпдИр существенно изменяет возрастное распределение электората в пользу родителей, давая им вместе с голосами их детей до 50 % голосов электората (в ряде многодетных стран – до 60%). Но увеличение электорального потенциала родителей обеспечивается не из воздуха, богатства, образования, происхождения или других источников, а только за счет других граждан, которые по возрасту не способны к самостоятельному политическому выбору и потому не могут голосовать сами. Родители имеют все социальные основания, а потому, вне всякого сомнения (мы имеем в виду нормальных родителей, которые любят своих детей и заботятся о них) достойны расширения своих электоральных прав за счет голосов своих несовершеннолетних детей. Родители несут дополнительный груз забот и ответственности за своих детей, составляющих источник человеческого ресурса общества, которое поэтому может и должно наделить их соответствующими дополнительными правами и преференциями. Никакого вреда обществу нет от расширения электорального веса родителей за счет голосов детей. От него есть только польза всем: детям, родителям, государству, обществу (см. ниже). Оно также не может ущемить интересы бездетных, право голоса которых оно не отменяет. Да, ИпдИр ставит в неравное избирательное положение родителей и бездетных, но оно обосновано и служит интересам всех людей, в том числе бездетных, потому что только родители обеспечивают их новым человеческим ресурсом, который они не могут или не хотят воспроизводить. Поэтому разумные бездетные благодарны родителям, воспроизводящим для них новый человеческий ресурс и не будут возражать против ИпдИр, которое отвечает и их интересам. Таким образом, и данный аргумент не выдерживает критики.

4.Аргумент о неадекватности политических предпочтений родителей и детей является самым сильным аргументом против ИпдИр, но он бездоказателен и голословен. Хинрикс не упоминает ни одного эмпирического исследования в его пользу. Это чисто логический аргумент,

исходящий из современной рутинной практики, когда родители поставлены в ситуацию любого выбора, только не интересов детей. Да, при современной избирательной системе родители не голосуют и не могут голосовать в интересах детей. Размытая политическая мотивация дает размытые итоги голосования со всеми вытекающими слабостями и пороками современной демократии. Как говорилось выше, главное достоинства ИпдИр состоит в том, что оно создает качественно новую и четко ориентированную на приоритет интересов детей политическую (избирательную) мотивацию, по крайней мере, родителей, для значительной части бездетной молодежи, мечтающей о детях, а также для бабушек и дедушек, имеющих малолетних внуков (для 50-80% электората). Поэтому ИпдИр создает качественно новую избирательную систему демократии с принципиально иным политическим поведением электората, поставленным в ситуацию приоритета интересов детей и выбора лучших кандидатов именно для этого приоритета, а не какого-либо другого. В такой избирательной системе разброс выбора ограничен рамками «хороший – лучший» кандидат. Кто-то из кандидатов кому-то из избирателей может показаться «лучшим», а кому-то только «хорошим». (Аналогично относительно партий.) Разброс выбора кандидатов/партий по этим критериям будет означать, что родители всегда будут голосовать и сами, и за своих детей в интересах детей. Различие их выбора не выйдет за границы «хороший - лучший» кандидат/партия. Это естественные, нормальные статистические рамки для такой избирательной системы. Если родители поймут, а тут большого ума не требуется, что она дает им шанс существенно улучшить положение своих детей, а вместе с ними и свое, что с их выбора начинается приоритетное бюджетное инвестирование сферы детей, т.е. всего комплекса отраслей и институтов их социализации, тогда они всегда будут голосовать в соответствии с интересами детей. Эта система исключает возможность голосования не в соответствии с интересами детей. Она будет исправлять нерадивых родителей, станет стимулом развития их культуры политического поведения, четко изменит их предпочтения в пользу интересов детей. В ней исчезнет абсентизм современных молодых родителей: их новая политическая мотивация и расширенная ответственность заставит их самым активным и консолидированным образом участвовать во всех избирательных кампаниях. Она заставит родителей думать не только о своих, но и о чужих и дальних детях, заставит их объединяться для наиболее эффективного выбора и удовлетворения интересов своих детей совместными усилиями. Таким образом, и данный аргумент против ИпдИр не выдерживает критики.

5.Последние три аргумента против ИпдИр также абстрактны и бездоказательны. Никто не доказал, что предпочтительны политические партии нейтральные к возрасту. Если они типичны сейчас, то это еще не доказывает их предпочтительность в будущем. Обострение различных кризисов и необходимость нового качества человеческого ресурса требуют выдвинуть на первый план интересы семьи и детей, а для их выражения должны появиться соответствующие политические партии. Они уже появляются на основе идеологии, провозглашающей приоритет ценностей семьи, детей, молодежи[45]. Известно также существование партий пенсионеров и в России, и за рубежом. Можно прогнозировать, что в будущем предпочтительными станут именно партии, ориентированные на молодой возраст, на интересы детей и семьи, как наиболее значимые для судеб общества.

6.Сравнение голосования с бракосочетанием скорее похоже на шутку, чем на серьезный аргумент. С равным успехом, по этой аналогии, его можно сравнить с любым другим выбором: квартиры, города, одежды, религии и т.п., а не только супруга. Поэтому нет смысла требовать от политического выбора представителей интересов детей такой же сознательности, как при выборе супруга – это принципиально разные выборы, в разных сферах и измерениях.

7.Все новое всегда утопично. ИпдИр утопично для традиционной демократии индустриального общества, на смену которой идей демократия информационного (глобального) общества. Новое качество воспроизводства информации подготавливает условия и создает требования для нового качества воспроизводства самого человека как ресурса, которое невозможно без ИпдИр, без приоритетного инвестирования в этот капитал. Когда это будет осознано, тогда оно станет явью и перестанет быть утопией.

Итак, у нас есть все необходимые основания утверждать, что перечисленные аргументы Хинрикса против ИпдИр не выдерживают критики.

Избирательное право детей, исполняемое родителями как социокультурный институт антитеррористического иммунитета

Рассмотрим социокультурный механизм действия ИпдИр. Юридическим стержнем этого института является закон «Избирательное право детей России»[46], который устанавливает определенную культурную и правовую связь двух основных поколений, соединенных в семье: детей и родителей. Мысленно промоделируем изменение взаимоотношений поколений в случае, если обществом и государством будет принят соответствующий закон, т.е. закон о праве избирательного голоса несовершеннолетнего ребенка и исполнении этого права родителем ребенка[47].

В мысленном эксперименте речь пойдет о нормальных родителях, которые любят детей и заботятся о них, беспокоятся об их настоящем и будущем, по крайне мере, не равнодушны к их судьбе. Надо подчеркнуть, число таких родителей - подавляющее большинство. Как будут действовать такие родители, если они получат законное право использовать на всех выборах голос своего ребенка, если в избирательные списки будут включены не только они, но и их ребенок/дети? Мы не обсуждаем здесь множество привходящих обстоятельств. Мы моделируем здесь только «чистую» и наиболее важную ситуацию отношения родителя (отца или матери) с ребенком, когда надо идти на те или иные выборы и голосовать за себя и за своего ребенка. Переменной величиной в этом отношении признается только возраст ребенка, в зависимости от которого меняется поведение родителя. Можно выделить четыре принятых возрастных периода ребенка: до 1 года, 1- 6, 7-12, 13-17 лет, которые потребуют от родителя разного качества поведения и общения с ребенком по поводу той или иной избирательной ситуации. Однако, для всех периодов характерны некоторые общие черты.

К ним относится, в первую очередь, сознание родителя того, что, заполняя избирательный бюллетень своего ребенка, он голосует в интересах ребенка и должен именно так голосовать. Он осознает, что это есть и его личный интерес, мотив, и общественный долг, обязанность, выполнение которой от него ожидается, одновременно. Мы уверены, что в подавляющем большинстве родители осознают реальные интересы детей, поэтому интересы родителей в основном совпадают с интересами детей, поэтому их политический выбор будет адекватен интересам детей. Однако, в случае с детьми старшего возраста, 13-17 лет, вполне возможны расхождения политических предпочтений, что мы рассмотрим ниже. В чем заключается основной интерес ребенка по отношению к избираемой власти на любом уровне? Поскольку основная задача власти – это распределение бюджетных средств на всех уровнях, постольку объективно основной интерес ребенка заключается в *приоритетном бюджетном (государственном) финансировании сферы детей*. Если родитель понимает это, то он будет обладать четким критерием для своего политического выбора из числа кандидатов на все выборные должности в государстве.

Во-вторых, если родитель осознает, что в подобном выборе заключается не только его личный мотив как родителя, но соответствующая общественная (в том числе и политическая) ответственность, то его голосование и политическое поведение будут заданы соответствующим целевым образом. Из числа кандидатов на выборные должности он отдаст свой голос и голос ребенка за того, программа, опыт и действия которого в наибольшей мере отвечают задачам (а) формирования антитеррористического (и более широко – антидевиантного) иммунитета детей, (б) обеспечения безопасности детей (а значит и всего общества) и (в) приоритетного, т.е. первоочередного и максимально возможного в данный период и в данном месте, бюджетного финансирования сферы детей. Консолидированный выбор родителей, а также бабушек и дедушек, обеспечит новое качество власти, депутатского корпуса и всех выборных лиц.

Представленный механизм культуры общения поколений, создаваемый избирательным правом детей, направлен на решение многих задач, но главная из них - формирование антитеррористического (более широко – антидевиантного) иммунитета подрастающего поколения путем выработки и проведения наиболее эффективной социальной политики, сужающей, а в идеале и сводящей на нет социальные причины террористический проявлений.

Наверно будет излишним предугадывать те формы семейного и социального общения, которые будут порождены этим избирательным правом — жизненная практика всегда богаче и разнообразнее того, что может быть предсказано. Многообразие и сложность политической социализации детей, которые должны учитываться родителями в своем общении с ними, более детально исследована в работе Н. А.Головина и В. А. Сибирева[48]. Напомним только многозначительные слова Аристотеля, к сожалению забытые сегодня. В «Никомаховой этике» он подчеркивал, что: «повторение одинаковых поступков порождает соответствующие нравственные устои…Так что вовсе не мало, а очень много, пожалуй, даже все, зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства»[49].

Культурный сетевой механизм антитеррористического иммунитета

Новая, террористическая угроза требует новой культуры мира, семьи и отношений между поколениями. Но новая культура может вырасти только на фундаменте традиционной культуры. Поэтому, говоря о социокультурном институте ИпдИр для определенной страны, для России, мы должны найти в ее культуре и менталитете такие ценности, на основе которых может возникнуть и развиваться этот институт.

Особо следует остановиться на роли семьи и детей в русской сельской общине, которая была фундаментом досоветской культуры России на протяжении почти тысячи лет и составляет ее наиболее глубокий, архаичный пласт. Община есть *мир*, она означала для русского человека первую вселенную, народ, которые определяли «спокойствие», «согласие», «мир», «мирное сообщество», как пишет Б.Н.Миронов. «Община была для русских людей и вселенной, и мирным сообществом, в котором люди должны жить мирно», которая минимизировала всякую негативную девиантность и формировала у каждого человека с рождения соответствующий иммунитет. Его основу составляли мир, согласие, терпимость и ответственность. Община строилась на объединении патриархальных семей, на принципах «общей собственности, совместного производства, коллективной ответственности перед государством за налоги и преступления, совершенные на территории общины». Община охватывала все стороны жизни человека и заботилась о всех своих членах на основе обычного права, т.е. стихийно выработанных обычаев и традиций. Ее основная ценность – взаимная ответственность за каждого, начиная с рождения, связанность всех интересами общего блага. В сельской общине земля, платежи и повинности делились поровну между семьями/домохозяйствами, пропорционально численности душ мужского пола, включая младенцев и стариков. Значит, в общине интересы детей учитывались наравне с интересами взрослых. На детей распространялись два непременных требования общины: «равенство всех в праве на общинную землю и равенство всех в обязанности платить налоги и повинности». Тем самым на детей возлагались как равные права, так и равные обязанности, *которые исполнялись родителями до их совершеннолетия или взрослости*. Исполнение их за своих детей было обычной нормой, само собой разумеющейся, неписаной традицией заботы отцов о детях. (Не в этом ли состоит исток крепости русского духа и непобедимости России в прошлой истории?) *Именно в этой особенности русской культуры заключается исходный корень института избирательного права детей, исполняемого родителями. Поэтому наше предложение о создании этого института является не чем иным как возрождением тысячелетней российской традиции в новое время и в новой форме*! Вот уж поистине: все новое является повторением давно забытого старого!

Другая фундаментальная черта традиционного русского обычая родителей исполнять права своих детей, заключается в том, что участие глав домохозяйств (патриархов) в общих собраниях, *сходах* общин было *разным*, их голоса имели *разный* вес. «Какие бы вопросы не обсуждались на сходах, влияние отдельных крестьян на принятие решений было различным…Голос патриарха зависел от *величины* (подч.- Л.С.) и зажиточности семьи, которую он представлял. Поскольку именно размер семьи (*который определялся численностью детей в семье* – Л.С.)… в решающей степени определял ее благосостояние, а он колебался от 3 до 50 человек, то *соответственно* (т.е. в разы – Л.С.) варьировало и влияние патриархов», что нисколько не ущемляло демократического характера общины и исключало олигархическое управление. «При уравнительном распределении

между крестьянами общинного имущества бремя (демократической – Л.С.) власти между ними распределялось неравномерно»[50]. Здесь находится исток идеи наделения родителей разным числом избирательных голосов в соответствии с числом их детей (хотя оно ограничивается из соображений демографической политики.). Отсюда идет и наше отрицание утвердившегося сегодня формального демократического принципа «один человек – один голос», игнорирующего детей, разрушающего взаимную ответственность поколений. Институт ИпдИр в новой форме возрождает старую русскую традицию учитывать интересы детей и исполнять их права с рождения наравне с правами взрослых. Поэтому этот институт имеет самые глубокие корни в русской культуре.

По свидетельству большинства исследователей роли семьи и детей в нашей культуре во все времена отмечалась их ведущая ценность и для человека, и для социальных институтов государства и церкви. И патриархальная семья, и современная семья занимают центральное место в системе ценностей российской культуры. По проводившимся с 1990 года исследованиям «наибольшую ценность для россиян имеет семья, затем следует работа, друзья, свободное время, религия. Ценность политики для россиян достаточно низка»[51].

В системе внутрисемейных ценностей ведущее место занимают ценности любви и заботы о близком, взаимной поддержки и воспитания детей, продолжения себя в детях. Особую важность дети имеют для женщин, которые ставят их на первое место (93,3%), а мужчины ставят их на второе место (86.7%). Причем, супруги, уже испытавшие счастье материнства и отцовства, оценивают значимость для себя детей значительно выше (в несколько раз), чем женихи и невесты [52].

Таким образом, можно сделать вывод, что и в традиционной, и в современной фамилистской культуре России, при всем их различии, в качестве базовых сохраняется ценность семьи и связанных с ней ценностей любви, заботы, доверия, помощи и поддержки как между супругами, так и между поколениями, между родителями и детьми. Институт ИпдИр не может быть квалифицирован в плане культуры иначе как механизм продолжения, укрепления и развития названных ценностей. Поэтому этот институт органично вписывается в контекст российской культуры вообще, фамилистской в частности. ИпдИр образует новый канал духовной коммуникации поколений, новый тип диалога между отцами и детьми, новую форму их сотрудничества, преемственности и взаимной ответственности. Он является культурным сетевым (т.е.блокирующим всю систему источников терроризма) механизмом антитеррористического иммунитета.

Болезни России и российской культуры – почва терроризма

Россия больна, больна ее культура и душа. Болезни ослабили страну и иммунитет выживания. Они создают питательную почву для массового терроризма как особо опасной эпидемии. Многие культуры мира, в том числе России, заражены семенами терроризма, которым не противостоят практически никакие иммунные заслоны и институты. Восполнить этот пробел может ИпдИр. Чтобы не быть голословными относительно болезней российской культуры оживим память читателей на этот счет.

Трудно сказать, какая болезнь современной России и ее культуры является самой тяжелой, более всего парализующей иммунитет, создающей наиболее опасную предпосылку для распространения терроризма: коррупция, неверие, бедность, отсутствие диалога и т.п. Не претендуя на системный диагноз болезней России, приведем лишь некоторые компетентные мнения.

Один из диагнозов больной России – «тотальное недоверие» и потеря идентичности. «Мы уже который год живем в ситуации недоверия всех ко всем. Предприниматель не доверяет наемным работникам, а те – работодателю. Государство не испытывает доверия к бизнесменам, бизнесмены - к своим партнерам и правительству. Такое тотальное недоверие, как показывает история, завершается плохо» - примеры тому – революции 1905 и 1917 годов. Причину тотального недоверия автор видит в идеологии, в засилии старой, коммунистической и отсутствии новой. Он пишет, что «ни одна из реальных сил в стране … не осознает, что в сознании миллионов по-

прежнему царит советская власть», что «у нас в головах модернизация прежней системы еще даже не начиналась». Для 80% россиян свобода не нужна, почти столько же считают необходимым пересмотреть итого приватизации, 66% считают, что большинство богатых – воры, но почти столько же хотят быть богатыми. Первое что требуется России – это сделать идеологию предметом общественного обсуждения. Но никто этого делать не хочет. Бизнесмены считают это делом министра культуры и интеллигенции. «Интеллигенции это делать неудобно, поскольку она левая. Власти делают вид, что значения идеологии не понимают. У каждого есть свои мотивы, но результат-то опаснейший»[53]. Вместо идеологии у нас «сейчас царит культ денег и людей, которые имеют деньги…У народа потеряна идея жизни…, поэтому женщины сегодня не рожают»[54]. Действительно, идеологический паралич современной российской культуры – это очень опасная болезнь. Она подрывает ее духовный стержень, парализует ее моральный иммунитет и создает благоприятную «культурную» почву для терроризма и «глобальной девиантизации» (термин Я.И.Гилинского – Л.С.) России. ИпдИр преодолевает идеологический паралич, выдвигая в качестве высшего приоритета ценность детей, который восстанавливает культурную идентичность и объединяющую народ идеологию.

Другой диагноз больной культуры России – «отсутствие диалога, которое порождает насилие». «Когда каждый вертится в своем кругу, общество распадается на маргинальные группы. В России, к сожалению, отсутствует традиция диалога – и на бытовом, и на парламентском уровне, а сейчас к тому же прекратился диалог между народом и властью. На смену дискуссиям пришли политтехнологии. Демократия есть не что иное, как обмен мнениями. Без него не прийти ни к какому согласию»[55]. Для серьезного диалога нужны по крайней мере две вещи: плюрализм идеологий и культурная привычка, навык диалога. Ни того, ни другого в современной российской культуре нет. Отсутствие диалога, как и идеологии – это тоже предпосылка терроризма.

Третий диагноз – бедность, которая является оборотной стороной либерального олигархического капитализма России последних 12 лет. Бедность - признак не только слабой экономики, но и симптом больной культуры и источник терроризма. Это очень большая тема. Мы приведем лишь несколько свидетельств о крайностях бедности и олигархизма России, которые создают почву терроризма, подготавливая, с одной стороны, его массовых исполнителей, а с другой стороны, не менее массовых его заказчиков. По официальным данным 20% населения живут за чертой бедности, причем большинство из них это люди с образованием и постоянным местом работы. Однако, еще 50% населения относится к малообеспеченным, которые балансируют на грани: «при падении доходов на 10% за чертой бедности окажутся еще 50%»[56], т.е. в итоге – 70%. За 12 лет экономических реформ, от которых «россияне умирают», «лучше стала жить лишь одна и без того обеспеченная группа населения – примерно 20% россиян. Доходы остальных 80%, напротив упали». За это время по числу миллиардеров Россия вышла на третье место в мире после США и Германии, а беспризорных детей стало больше, чем после переворота 1917 года. В то же время в стране установлен «позорно равный» подоходный налог, когда «и миллиардер и нищий платят одни и те же 13%»[57]. Итак, олигархи и государство высасывают капитал из страны и народа, порождая чудовищный раскол нации и культуры на антагонистические, нищую и богатую, части. Раскол создает самую питательную среду для терроризма (и не только, но и для гражданской войны), как и для «глобальной девиантизации» страны. Преодолеть антагонизм можно только на самом глубинном уровне семьи и культуры поколений с помощью института ИпдИр. Этот институт развернет государство и бюджет в сторону не олигархов, а детей.

Коррупция – четвертый диагноз больной культуры. По некоторым сведениям коррумпировано до 80% государственного аппарата. 82% населения уверено, что должностные лица берут взятки[58]. Ученые говорят о том, что «все российские министерства и ведомства поражены коррупцией», что все они связаны в коррупционные сети, руководителями которых являются «самые высокопоставленные российские чиновники и политики», создающие «тотальную коррумпированность всех ветвей власти на всех уровнях», в условиях которой «принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы»[59]. Известно, что террористки, взорвавшие в августе два самолета, прошли на них за взятку. Бараев, руководитель банды террористов, захвативших «Норд-Ост», имел новенький российский паспорт, который он получил за взятку и т.д. Тотальная коррупция означает, что

практически весь государственный аппарат вместе с армией, милицией и другими многочисленными правоохранительными органами, примерно 5 миллионов человек, которые призваны бороться с терроризмом, лишены самого главного – антитеррористического иммунитета. В этих органах он не формируется. Он формируется в семье и школе, если будет работать институт ИпдИр. Могут ли родители быть уверены в безопасности своих детей, если их охраняют такие «охранители»?

Отвращение к власти – пятый диагноз больной культуры. По опросам в стране постоянно падает доверие к власти, кроме президента. Постоянно снижается рейтинг лидеров «Единой России» и проигравшей оппозиции – доверие к ним упало до 6-3 %. «Особенно низко доверие к депутатам. Люди считают, что большинство из них идут в политику, чтобы «хапнуть», и, едва переступив порог Госдумы, забывают о клятвах и любви к народу». «За что же народ не любит власть? Социологические опросы дают возможность составить «иерархию» ее пороков. Жадность, взяточничество, холуйство по отношению к начальству и хамство по отношению к простым людям. Власть откровенно жирует в обнимку с олигархами…Власть разъедает безнаказанность. Изредка пойманным за миллионное воровство дают смехотворные сроки или освобождают по амнистии…..Пожалуй, самое большое раздражение у населения вызывает ложь. Раздражают рапорты чиновников «об успехах»: о росте доходов населения. И при этом все знают, что прирост к нищенской зарплате и нищенской пенсии немедленно съедается инфляцией, ростом коммунальных тарифов…В докладе независимого общественного Совета по национальной стратегии среди основных угроз на ближайшие годы называется недееспособность государственного аппарата, который вовлечен в обслуживание интересов олигархических группировок и слабо связан с интересами основной части бизнеса и населения. При этом на содержание этого аппарата…тратится значительно больше средств, чем на науку, здравоохранение, культуру и спорт вместе взятые»[60]. Больное, государство вылечить себя неспособно. Для оздоровления ему необходима мощная социальная опора, которую ему может дать только институт ИпдИр, который охватывает примерно до 80% населения.

Ксенофобия, заполняющая идеологические пустоты современной русской культуры, и взращивающая живые семена терроризма – шестой диагноз ее болезни. При сокращении русских за 10 лет на 2 млн. и росте исламской составляющей на 2 млн. «ресурс этнической ненависти продолжает расти ..страхи и бедность – вот та опасная смесь, которая питает национализм с привкусом «русского фашизма». По оценке экспертов, в России более 50 тыс. ультра. Их годовой прирост – 20%»[61]. Русские ультра в одно мгновение могут стать террористами. Сейчас, почти каждый месяц в больших городах страны происходят убийства или избиения иностранцев. Русские ультра, составляющие живой ресурс терроризма в России, также не получили ни в семье, ни в школе заряд антитеррористического и антиксенофобского иммунитета. Другое живое семя терроризма – это определенный слой силовых структур, «повседневный бытовой терроризм военных, милиционеров и сотрудников спецслужб»[62]. Живые семена терроризма – это и кровная месть и межнациональная рознь. Живые семена терроризма – это и различного рода фанаты, особенно футбольные, регулярно устраивающие уличные погромы и избиения. Живые семена терроризма – это студенты, которые, по нищете своей, вынуждены изготавливать бомбы для продажи. Живые семена терроризма – дедовщина, постоянно тлеющая в армии, оборачивающаяся сотнями убийств и самоубийств в армии, отравляющая душу молодых людей и морально подготавливающая их к насилию и терроризму. Живые семена терроризма – процветающие заказные убийства, оплачиваемые олигархами и просто богатыми людьми. Наконец к живым семенам терроризма надо отнести стремительно растущую армию «телефонных террористов» из числа подростков 10-17 лет, против которой милиция бессильна. Это самый печальный факт и в том смысле, что из них через 5-10 лет могут выйти сознательные террористы, и в том, что ни семья, ни школа не могут им противостоять – нечем, кроме суровых наказаний, которые скорее укрепляют подростков в свое правоте, чем исправляют их.

ИпдИр, в той или иной мере, преодолевает все перечисленные системные предпосылки терроризма в культуре России, формируя позитивные идеалы, нравственные устои и антитеррористический иммунитет, способные вылечить и оздоровить ее, конечно, не сразу, а в

ряду последующих поколений. Такая перспектива, очевидно, лучше перспектив распада страны, ее гибели или гражданской войны.

Особенно важным ИпдИр оказывается для реформирования самой власти, для качественного изменения ее взаимоотношений с обществом, населением. Как известно «власть не может сама себя без участия общества модернизировать и реформировать. Мы же привыкли, что за нас, за население, все это кто-то должен сделать…Граждане, без активной и самодеятельной роли которых никакие изменения в корпусе госвласти не начнутся, по-старинке, по-прежнему уповают только на государство»[63]. Но чтобы население приняло активное участие в реформировании власти, оно должно получить от власти новую мотивацию, мощную заинтересованность в этом деле и в то же время конкретный правовой механизм. Население не будет участвовать в реформировании власти в интересах чиновников. Оно будет активно участвовать в ее реформировании только в собственных интересах. Такую мотивацию, заинтересованность и механизм может создать только социокультурный и политико-правовой институт ИпдИр. Только он может активизировать население в модернизации власти, т.к. население будет руководствоваться сознательным стремлением улучшить положение детей, а вместе с ним улучшить собственное положение. У населения нет более мощной мотивации в нужном для него реформировании власти.

ИпдИр может сыграть важную роль и в борьбе с коррупцией. Отношение к коррупции как к чему-то постыдному и неприличному может быть сформировано в детском возрасте как элемент антидевиантного иммунитета ребенка только в семье, только в соответствующем родительском воспитании. В рамках ИпдИр можно мотивировать расширение ответственности за коррупцию. Формирование антикоррупционного иммунитета в семье и школе невозможно, если государство само не ведет решительной борьбы с коррупцией. Эта борьба требует расширения уголовной и административной ответственности за коррупцию: судить и увольнять с работы не только попавшегося коррупционера, но и его непосредственного начальника с запретом занимать в дальнейшем руководящие должности. Руководитель должен знать и пресекать коррупционеров среди своих подчиненных, а если он не знает или не пресекает их, то он не может быть руководителем. Отстранение от должности и запрет на руководящую должность – это самое страшное наказание для чиновника, а потому это самое эффективное средство борьбы с коррупцией и необходимая предпосылка для формирования антикоррупционного иммунитета у детей. Только подобные меры позволят российскому государству вылечиться от коррумпированности.

Практические предложения для рассмотрения Общественной Палатой

Резюмируя, перечислим первоочередные практические шаги в России по созданию института избирательного права детей, исполняемого родителями (ИпдИр).

1. Дополнить Президентскую программу борьбы с терроризмом положением о формировании у населения и власти антитеррористического иммунитета через социокультурный и правовой институт ИпдИр. Это дополнение развивает идею Президента об антитеррористическом иммунитете, которую он высказал в устном выступлении 13 сентября 2004, но которая, почему-то, не попала в официальный текст его выступления.
2. Создать в Администрации Президента специальный государственный научно-исследовательский и прикладной институт, численностью в 15-20 специалистов из разных отраслей социальной науки, под таким примерным названием "*Институт антитеррористического иммунитета населения и власти* (ИАТИНВ)". (Располагаться он может в Санкт-Петербурге)
3. Выделить из средств, расходуемых на борьбу с терроризмом, 2-3% на социальную науку, на работу ИАТИНВ, на проведение соответствующих исследований, а также широких научных и общественных обсуждений ИпдИр и т.п.
4. В целях обеспечения массовой политической поддержки института ИпдИр создать оппозиционную «Единой России» политическую партию с примерным названием

«Вперед, семья» с тем, чтобы она могла принять участие в выборах в Госдуму в 2007 году, имея в качестве основной программной идеи идею ИпдИр. Эта партия не марксистского и не либерального, а скорее социал-демократического[64] толка. Она преследует цель процветания страны через социальную гармонию, партнерство и справедливость, на основе идеологии, провозглашающей приоритет ценностей семьи, детей, молодежи, избирательного права детей и возрождения России за счет новой культуры поколений. Такая партия с простыми и актуальными для населения целями будет массовой и влиятельной партией страны со свежей, конструктивной, а не демагогически избитой программой. Выборы-2007 покажут степень ее влияния и признания в стране, определят ее шансы на участие в президентских выборах-2008.

В заключение подчеркнем, спасти Россию от смертельного комплекса системных болезней, с нашей точки зрения, смогут только новые поколения детей и их родителей через 20-40 лет. Но надежда на спасение станет реальной, а не пустой, если она будет подкреплена сегодня или в ближайшие годы системным социокультурным институтом избирательного права детей, исполняемого родителями. Только он может запустить механизм коренного оздоровления общества, государства и культуры России через 20-40 лет. Других путей для выздоровления и спасения нет, и не видится. Традиционные пути оздоровления через рыночные и либеральные механизмы западной цивилизации, построенные на приоритете денег, в России не работают и еще больше обостряют ее системные болезни, что убедительно подтверждают прошедшие 15 лет т.н. «рыночных реформ». Мировое соревнование на почве западных приоритетов российская цивилизация никогда не выиграет по двум причинам: а) у нее нет соответствующего многовекового культурного опыта Запада и б) его опыт в России всегда осваивался неудачно. На этом пути она всегда будет плестись в хвосте западной цивилизации в качестве ее сырьевого придатка и никогда не станет *другим* полюсом будущего многополярного мирового порядка. Стать одним из полюсов такого порядка и выиграть мировое (и мирное) соревнование Россия может только на *своем* пути цивилизационного развития, только на почве *собственного* приоритета духовного и гармоничного человека, который воплощается взрослыми (прежде всего родителями) в детях, а дети являются чистыми носителями духовности и гармонии. Утвердить и развить этот приоритет в наше время в России способен только институт избирательного права детей, исполняемого родителями. Этот институт - эффективный преемник лучших фамилистских традиций русской культуры.

21 декабря 2004.

---

[1] Alexander, Jeffrey C., Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil Smelser, and Piotr Sztompka. 1998. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press. Forthcoming.

[2] Alexander, Jeffrey C. (2003). *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press, p. 27-84. Более детальному обзору этой книги посвящена рецензия Л.М.Семашко: *Смыслы культурной социологии* // Телескоп, 2004, 2, с.50-53.

[3] Ruthven, M. (2002) *A Fury for God, The Islamist Attack on America,* London New York: Grant Books, p.209

[4] Обзор других подходов к терроризму смотреть в книге: Гилинский Я.И. *Девиантология*. СПб, Юридический центр Пресс, 2004, с.248-255

[5] Phillips, Bernard. *The Web Approach to Terrorism*. *Terrorism as an ‘Ism’: An Epistemological and Metaphysical Approach.* Доклады на конференции «The Web Approach to Terrorism: Connecting the Dots», San Francisco, August 14th-16th, 2004

[6] Capra, Fritjof, *The Web of Life*, Anchor/Doubleday, New York, 1996; Castells, Manuel, *The Information Age*, vol.1, *The Rise of the Network Society*, Blackwell, 1996; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., АСТ, 2004

[7] DeWitt, Martha R. *Understanding the Origins of Terrorism*. Доклад на конференции «The Web Approach to Terrorism: Connecting the Dots», San Francisco, August 14th-16th, 2004

[8] Pillar, Paul R, *Terrorism and U.S. Foreign Policy* (2001), Brookings Institution. Chapter 2. The Dimensions of Terrorism and Counterterrorism, p. 12-40

[9] United Nations Office on Drugs and Crime, (2004), *Global Programme against Terrorism*, website http://www.unodc.org/unodc/terrorism.html,

[10] Пониманию терроризма именно как сообщения о массовой деструкции, различению первичного, реального и вторичного, в массовых коммуникациях, терроризма посвящена статья австралийки Х.Роземан. *Terror from Terror: the Psychological Warfare of Messages of Mass Destruction*. Доклад на конференции «The Web Approach to Terrorism: Connecting the Dots», San Francisco, August 14th-16th, 2004

[11] United Nations Office on Drugs and Crime, (2004), *Definitions of Terrorism,* website http://www.unodc.org/unodc/terrorism_definitions.html

[12] *Уголовный Кодекс РФ*. Статья 205.

[13] Юрьев А.И. *Политическая психология терроризма* // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Санкт-Петербург, 23 – 25 мая 2004 года. В этом сборнике приведено множество других определений и подходов к терроризму.

[14] Юрьев А.И. Указ. соч.

[15] Первая попытка такого многомерного и тетрасферного понимания терроризма и его статистического представления предпринята в работе: Семашко Л.М. *Тетрасоциология: ответы на вызовы*. СПб, 2002, с.151-154.

[16] Отраслевая дифференциация каждой сферы представлена в нашей работе: Семашко Л.М. Указ. соч., 2002, с.72-84

[17] Понятие и координаты социального пространства-времени детально рассмотрены нами в указ. соч.2002 года, с. 37-57

[18] Путин В.В. *Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004*. http://www.kremlin.ru/

[19] Гилинский Я.И. Указ. соч., с.253

[20] Семашко Л.М. и М.Р.Девит. *Избирательное право детей – ключ к решению проблем детства*. СПб, 2004, с.22-26

[21] Детская сфера или сфера детей – это важнейшая часть социальной сферы общества, осуществляющая воспроизводство подрастающего поколения, которая включает в себя семью и весь комплекс отраслей, работающих с детьми (образование, детское здравоохранение, спорт, досуг и т.п.), со всеми своими ресурсами. Более детально см. указ работу Л.Семашко и М.Девит, с. 7-9, и др.

[22] Эту статистику, полученную в опросах жителей Петербурга, приводит научный руководитель АСИ Роман Могилевский. См. Шандорленко Д. *Барометр нашего мнения*. Газета «Утро Петербурга», 10.12.2004

[23] *На Специальной Сессии ООН мировые лидеры обещают построить «мир, достойный детей»*// One Country, Москва, апрель-июнь 2002 (на русском). На английском документы Сессии: http://www.unicef.org/specialsession/

[24] Becker, Carl (2002). *A Buddhism Paradigm for a Sustainable Future*, Traditional Religion and Culture in a New Era / Reimon Bachika editor, New Brunswick (USA) and London, p. 123

[25] Соколов А.М. *Мировоззренческие основания трансформации статуса детства в истории европейской государственности* // Философия образования и мир детства. Материалы Х1 международной конференции «Ребенок в современном мире. Государство и дети». 21-23 апреля 2004. Санкт-Петербург, 2004, с.612-613

[26] Соколов Э.В. *Диалог в культуре детства* // Философия детства и социокультурное творчество. Материалы Х международной конференции «Ребенок в современном мире. Культура и детство». 16-18 апреля 2003. Санкт-Петербург, 2004, с.54

[27] Семашко Л.М. и М.Р.Девит. Указ. соч.

[28] Менделеев Д.И. *Заветные мысли*. М., 1995, с.344

[29] Корчак Я. *Как любить ребенка*. М., Политиздат, 1990, с.14, 17,485 и др.

[30] Wallace, Vita (1991).*Let Children Vote. The Nation, v253 n12, 14 Oct 1991*

[31] http://www.brown.edu/Students/Association_for_Childrens_Suffrage/

[32] http://www.asfar.org/papers/voting.php

[33] http://www.kraetzae.de/

[34] RINGEN, Stein (1996),: *In a Democracy, Children Should Get the Vote*, International Herald Tribune, December 14-15.

[35] PARIJS, Philippe van (1999), *The Disfranchisement of the Elderly, and Other Attempts to Secure Intergenerational Justice*, Philosophy and Public Affairs, 27: 292-333.

[36] GRÖZINGER, Gerd (2001), *Proxy Votes for Children and the Case for Representation, Deliberation, Sustainability: One Size Fits All?* (Flensburg, mimeo.)

[37] WEBER, Max (1958), Wahlrecht und Demokratie in Deutschland, *in* Max WEBER, *Gesammelte Politische Schriften*, ed. Johannes Winckelmann, 2nd ed. (Tübingen: J.C.B. Mohr), 250

[38] Hinrichs, Karl: *Do the old exploit the young? If so is enfranchising children a good idea?*, in: Archieves Europeénnes de sociologie 43, no 1, 2002.

[39] Семашко Л.М. *Тетрасоциология – революция социального мышления, путь гармонии и процветания*. СПб., 2000, с.45.

[40] Баранов А.В. *Депопуляция – социальный вызов государству* // Звезда, 2001, № 1, с. 172-179.

[41] Более детально эта аргументация представлена в указанной книге Семашко и Девит, с.28-29

[42] Хлебников А. Нефтяники занервничали. АиФ, 2004, 50

43 Weber, Max (1958), Wahlrecht und Demokratie in Deutschland, in Max WEBER, Gesammelte Politische Schriften, ed. Johannes Winckelmann, 2nd ed. (Tübingen: J.C.B. Mohr), 254

44 The Age, January 23rd, 2004, page 8

[45] Приоритет этих ценностей глубоко осознается в ряде стран, в которых благосостояние семей и детей во много раз лучше, чем в России, но в которых к их положению относятся более критически, дальновидно и мудро. В качестве примера можно сослаться на Австралию, где в последние годы поняли, что будущее их страны зависит от качества детей, а также от решения демографической проблемы снижения рождаемости. Там намного увеличены пособия по рождению детей. Там созданы мощные детские исследовательские проекты, финансируемые государством. Там проводятся университетские конференции, посвященные «созданию городов, дружественных детям», с намеком на то, что в богатейшей Австралии они остаются недружественными им. В Австралии создана совершенно уникальная политическая партия под названием «Семья первая». Все это свидетельствует о большой обеспокоенности общества, государства и социальной науки проблемой детей.

[46] Проект этого Федерального закона представлен в указанной книге Семашко и Девит, с.54-61

[47] Проект этого закона был написан до трагедии в Беслане. Сейчас он должен быть дополнен требованием формирования антитеррористического (и более широко – антидевиантного) иммунитета у населения, прежде всего у детей. Этот закон должен установить ответственность родителей и государства в лице всех своих органов за формирование подобного иммунитета.

[48] Головин Н.А., Сибирев В.А. *Дети и выборы в Государственную Думу: о начале формирования базовых политических целей* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001, 4, с.116-134.

[49] Аристотель. *Сочинения в четырех томах*. Т.4, Мысль, М.1983, с 79

[50] Миронов Б.Н. *Социальная история России*. СПб, «Дмитрий Буланин», 2000, т.1, с.424-446

[51] Башкирова Е.И. *Изучение ценностей российского общества* // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М.:Альфа-М, 2003. Т.1, с.554

[52] Прокофьева И.М. *Ценность брака и семьи как предмет социологического анализа* // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса. СПб, Скифия, 2000, с.152-153.

[53] Дондурей Д. *Тотальное недоверие*. АиФ, 2004, 39

[54] Гранин Д. *Сейчас культ денег. А от совести – только неудобства*?! АиФ, 2004, 46

[55] Аракелян А.Г. *Отсутствие диалога порождает насилие*. АиФ, 2004, 41

[56] *Бедная Россия*. АиФ, 2004, 38

[57] Львов Д. *Россияне умирают от экономических реформ*. АиФ, 2004, 24. По исследованиям Н.Римашевской власть занижает уровень нищеты. По ее данным 60% населения живут в бедности, а официально признаются лишь 17%. При этом Россия покупает больше всего в мире «Мерседесов» и «Бентли». АиФ, 2004, 20

[58]Костиков В. *Новая номенклатура*. АиФ, 2004, 14

[59] Гилинский Я.И. Указ. соч., с.267-270 и др.

[60] Костиков В. *За что не любят власть*? АиФ, 2004, 20

[61] Паин Э.. *Ресурс ненависти*. АиФ. 2004,19.

[62] Утро Петербурга, 17.09.2004

[63] Шамахов Вл. Ректор Академии Госслужбы. Интервью газете «Русская Европа», 2004, № 4

[64] Программа такой нелиберальной, тетристской партии предложена нами, см: «*Манифест сферной демократии – алиберальный проект*» // Телескоп, 2004,